

Преданный рыцарь Одессы

Беседы с Александром Розенбоймом

13 июня 2015 года ушел в мир иной Александр Розенбойм – ведущий одесский краевед и исследователь, писатель, биограф, историк, автор сотен газетных и журнальных статей и более двух десятков книг об Одессе. Он был блестящим рассказчиком, умным собеседником, эрудированным человеком, незаменимым консультантом, знатоком старой Одессы, которой он был верен и предан до последнего дня.

Краевед по призванию, инженер-строитель по профессии, Александр Юльевич начал заниматься историей литературной Одессы в далеких 1960-х. Это произошло, когда в газете «Комсомольская искра» в феврале 1967

года с легкой руки журналиста Евгения Голубовского была открыта новая рубрика «Одессика». Именно тогда вышла первая статья Ростислава Александрова (такой псевдоним взял себе будущий историк Одессы Александр Розенбойм), посвященная истории «Гамбринуса». Он первый занялся одесскими реалиями знаменитого рассказа Александра Куприна и прототипом главного героя – Сашки-скрипача.

Александр Розенбойм:

– Помните у Конан Дойля «Первое дело Холмса»? Так вот, мое первое дело было – о «Гамбринусе». Была проделана огромная работа. Я нашел родственников Сашки-музыканта и вел с ними переписку. Его сын и внук стали потомственными настройщиками. Кстати, смычок Сашки внук подарил другу музыканту. Я ходил в этот подвал, там в то время был склад ювелирного магазина. Чтобы начальство магазина поверило в мои благие намерения, пришлось предъявлять паспорт. Я нашел всех лабухов, там игравших, в том числе – последнего аккомпаниатора Сашки-музыканта. У меня есть письма человека, который делал роспись на стенах «Гамбринуса». Я слушал человека, который рассказывал, как Куприн, вусмерть пьяный, спал на газетных рулонах.

Публикация вызвала поток читательских писем. Это было время всплеска интереса к одесскому краеведению и появления новой газетной рубрики «Одессика», пользовавшейся огромной популярностью.

Александр Розенбойм:

– Цензоры у нас были зубастые. Как-то проскочила у меня фамилия архитектора, который в 1944 году ушел вместе с румынами. Что тут началось! К счастью, друзья нашли газету, в которой его фамилия была упомянута раньше. Это снимало с авторов всякие обвинения. Так я выпутался из этой истории.

Краеведческая и журналистская работа шла параллельно с моей основной научной и производственной деятельностью: я 33 года проработал в НИИ. Иногда мне удавалось уйти на час раньше, часто оставался на работе на ночь, чтобы печатать свои статьи на пишущей машинке. Как я был счастлив, когда купил в Кишиневе свою, югославскую, в футляре! Я смог работать ночью дома, но приходилось закрывать окна, чтобы соседи не жаловались, что я им мешаю спать.

Работая в «пуско-наладке», Александр Юльевич использовал регулярные командировки для встреч с людьми, чьи судьбы вплетены в судьбу города: писателями, вдовами и детьми писателей, их друзьями

и родственниками. Статьи Ростислава Александрова знакомили одесситов с забытой, запрещенной или замалчиваемой Одессой. Постепенно хобби Александра Юльевича стало главным делом его жизни, а главное дело поставило его в один ряд с теми, о ком он писал или рассказывал с экрана телевизора.

Закончив первое дело, он взялся за следующее.

Александр Розенбойм:

– «Дела» пошли одно за другим, поразительно увлекательный процесс.

Я бывал на той самой даче по улице Амундсена, где Куприн написал свой «Гранатовый браслет».

Я пивал чай за черным дубовым столом в доме Буковецкого на Княжеской, 27, тем самым, за которым сидел Иван Бунин в свои «окаянные дни» в Одессе.

Я бывал у первой жены Бунина – Анны Николаевны Цакни, которая после стала женой Александра Дерибаса, внучатого племянника основателя города. Предваряя расспросы, она всех заранее предупреждала: «Если вы об Иване Алексеевиче, то – ни слова». А после ее смерти близкие обнаружили в чемоданчике фотографию Бунина, вырезанную из старого журнала.

Я всегда любил разговаривать со старыми одесситами – от них можно было услышать совершенно невероятные истории.

Однажды на Приморском бульваре я познакомился с очень пожилым человеком, который видел празднование столетия Одессы в 1894 году и рассказал мне все в подробностях.

А в другой раз на Дворянской улице я присел на лавочку к старушке, как бы просто закурить, и она поведала мне об Исааке Бабеле, за родственником которого она была замужем.

В моей исследовательской работе судьба ко мне благоволила.

Я переписывался с Валентином Катаевым, у меня есть его несколько писем. Почерк у него всегда был плохой, к старости – еще хуже. Он писал письма только от руки тридцатикопеечной шариковой ручкой. А однажды я приехал к нему домой в Переделкино. Это было накануне его 85-летия. Дом был двухэтажный. Жена писателя встретила меня, я поднялся на второй этаж. Катаев

попросил подождать несколько минут, пока он закончит работу. Я понял, что он дал мне время освоиться, осмотреться. Помню книжные шкафы, большой письменный стол, кушетку с пледом, большое окно в сторону леса, а там – сосны в снегу. Я подумал, как далеко от Одессы занесло Катаева. Согривал одесский акцент. Я привез ему с малой родины гостинцы – одесскую брынзу и... фотографию парохода «Тургенев», описанного им в повести «Белеет парус одинокий». Увидев фото, он так закричал, что снизу прибежала перепуганная жена.

– Вот мой пароход! – воскликнул писатель.

А это был заштатный колесный пароход, который Катаев пустил в долгое литературное плавание.

Катаев уже в то время плоховато слышал, и, памятуя, как такие именитые люди относятся к интервью, я просто внимательно слушал, не перебивая и улавливая каждое его слово. Мы поговорили с ним четыре часа. А потом по свежим впечатлениям я всю ночь записывал его рассказ. Уверен – будь у меня в руках диктофон или ручка с блокнотом, он бы так не раскрылся. Это было последнее интервью большого мастера слова. Я сделал два материала к 85-летнему юбилею Валентина Катаева – для «Вечерки» и для «Моряка». А кроме того, мне удалось порадовать и одесских радиослушателей. Главный редактор областного радио Валентин Мороз попросил меня сделать радиопередачу. Я позвонил в Переделкино, взял трубку сын, позвал отца. Я сказал: «Валентин Петрович, одесситы хотят услышать голос своего земляка». Катаев сказал: «Я прочитаю стихи». И прочитал две строфы из стихотворения 1944 года.

Каждый день выбегая из леса,
как любовник в назначенный час,
поезд с белой табличкой «Одесса»
пробегают, шумя, мимо нас...

Радиопередача получилась отменная, с голосом самого юбиляра. Голосом «того времени».

Во время беседы с Валентином Катаевым я очень надеялся заполучить для газеты отрывок из какого-нибудь его произведе-

дения. И он подарил мне несколько листков машинописной рукописи «Юношеского романа», ее потом опубликовали в Одессе, и книгу «Разбитая жизнь, или Волшебный рог Оберона» с авторграфом. Под конец жизни писатель говорил, что не признает жанры литературного произведения. Книжка его у меня осталась, а рукопись я подарил Литературному музею.

Круг моих интересов иногда выходил за рамки Одессы. В 1969 году к 25-летию освобождения Одессы от фашистов я опубликовал интервью с Юрием Левитаном. Помню, был конец марта, я находился в командировке в Москве, когда мне удалось встретиться с легендарным диктором. Тот, вопреки моим представлениям, оказался довольно маленького роста. Тембр известного на всю страну голоса никак не вязался с его тщедушным телосложением. Но голос у него был от бога. Беседа получилась интереснейшей.

Мало кто знает (это было засекречено), что все сводки Информбюро Левитан читал, находясь... в Свердловске, а не в Москве. Потом, когда обстановка немного улучшилась, – из Куйбышева. Налеты на Москву продолжались, и в телефонном режиме все материалы шли в Свердловск, чтобы сигналы не пеленговали. Теперь на здании, откуда он вещал, установлена мемориальная доска, мне прислали фотографию. Но в 1969 году обнародовать эти факты было еще нельзя.

Неожиданным было и то, что все свои радиосообщения для фильмов и исторической хроники Левитан начитывал уже после войны: в 40-х годах еще не было звукозаписи. А при Брежневе и для выдающегося диктора наступили застойные времена. Его много лет не выпускали в эфир: по мнению генсека, голос Левитана тревожил население. А кто-то из ЦК КПСС ему прямо сказал: «Юрий Борисович, когда я слышу ваш голос, мне хочется бежать в бомбоубежище или в магазин за солью».

Умер Левитан трагично. Он поехал вести передачу на ТВ – кажется, по случаю юбилея Курской битвы – и умер прямо в студии.

Я был на последнем концерте Леонида Утесова в Одессе, в помещении Украинского театра, кажется, в 1963 году. Помню – еду в концерт на трамвае, а кондукторша, матерая

одесситка, объявляет остановку: «Торговая, следующая остановка – концерт Утесова».

Я дружил с вдовой Эдуарда Багрицкого Лидией Густавовной Суок. Бывая в Москве, непременно наносил визиты «сестричкам». Их было три сестры-одесситки, которые стали женами знаменитых писателей: Серафима – женой Владимира Нарбута, затем – Виктора Шкловского; Ольга – женой Юрия Олеши, прославившего фамилию Суок в своей бессмертной сказке «Три толстяка».

В последней квартире Олеши, которую я посещал, жили его вдова Ольга Густавовна и Лидия Густавовна, вдова Багрицкого. Они не оставили ни листочка воспоминаний. Только рассказы. А я слушал и запоминал.

Они меня, в свою очередь, представили стольким интересным людям... Так, сестры Суок свели меня с писателем Сергеем Александровичем Бондариним, тоже одесситом. Благодаря им я познакомился с Эдвардом Радзинским и его отцом – одесситом Радзинским-старшим, Станиславом Адольфовичем. Он уехал из Одессы позже других, работал тут журналистом, позже – театральным критиком, печатался в одесском журнале «Шквал». Он рассказывал мне о последнем приезде в Одессу Багрицкого и как тот останавливался у него на Нержинской улице.

У меня было несколько встреч с Лилей Брик, музой Маяковского. Меня в то время интересовали выдающийся пролетарский поэт и его одесские автографы, я знал шапочко его сестру Людмилу Владимировну. Тогда люди, знавшие Маяковского, были разделены на два лагеря: одни отдавали должное Лиле Брик, преклонялись перед ней, другие считали ее абсолютным злом. Моя первая встреча с Лилией Юрьевной состоялась в Гендриковом переулке, на вечере в Музее Маяковского. Меня представили как человека, занимающегося Одессой. Ее заинтересовал мой материал «Маяковский и чужие стихи». Она, конечно, была яркой, неординарной личностью. У меня хранилось письмо Лили Брик, но оно «ушло» от меня.

Еще одна встреча с Л. Брик произошла на похоронах поэта-футуриста Алексея Крученых. Лиля стояла с закрытыми глазами.

Она была в ужасном состоянии, ведь это был последний человек ее времени. Когда опускали гроб, вокруг была лишь жалкая кучка старушек. Выступил от Союза писателей Борис Слуцкий. Он прочитал Ахматову: «Когда погребают эпоху, надгробный псалом не звучит...». Там, на траурной церемонии, я зацепил одного мужичка, который хорошо знал А. Крученых в юности. Оказалось, что жил по соседству со мной на Малой Арнаутской и когда-то учился в Одесском художественном училище. Вот так рождались мои рассказы.

Итогом многолетней исследовательской деятельности Александра Юльевича стала книга «Прогулки по литературной Одессе», которая ныне является раритетным изданием и обречена на бессмертие.

Розенбойм, как мало кто, знал старую Одессу и готов был делиться своими знаниями, рассказывать об «исхоженных детством» памятных местах. Как-то во время нашей с ним прогулки по старинным одесским улицам я включила диктофон.

Наталья Бржестовская:

– Парадокс: интерес к Одессике все растет, но незаметно, чтобы поколения выросших за это время одесситов стали бережней относиться к своему историческому наследию. Десятки домов, которые могли бы быть отреставрированы, сносятся, а их место занимают высотные строения, не всегда соответствующие облику старинного города.

Александр Розенбойм:

– У каждого поколения – своя Одесса: и у наших дедов, и у наших отцов, и у нас. Возьмем, к примеру, комплекс Пале-Рояль, созданный архитектором Торичелли. Изначально это было длинное здание в виде буквы «П» вдоль Екатерининской, Ланжероновской улиц и нынешнего переулка Чайковского – сохранилась литография. Потом его начали распродавать по кускам, собственники перестраивали по своему усмотрению. Судите, что получилось. Был великолепный дом с колоннадой Крамарева на углу Преображенской улицы. Сломали и на его

месте построили гостиницу «Пассаж». Кому-то это тоже, наверное, тогда не нравилось. Таких примеров много. Я инженер-строитель и понимаю, что Одесса – не музей под открытым небом, а живой организм, в котором что-то отмирает, что-то появляется. Но каждый организм развивается по генной программе. А город должен развиваться по Концепции исторической застройки. У нас сложился исторический центр, и его следует сохранять. Мы любим говорить, что намерены превратить Одессу в туристический центр! Но нынешние наши новостройки никакого интереса для туристов не представляют. А что представляет, то вызывает сегодня о спасении.

Сколько пришлось писать и жаловаться, чтобы взяли за мемориальный Дом-музей А.С. Пушкина, когда он «затрещал». А ведь этот дом первым был восстановлен после войны (туда попала бомба).

А сегодня безнадежно гибнут дома Либмана, Русова, Гоголя. Их довели до необратимого состояния. Умышленно, чтобы разрушить и построить там что-нибудь никчемное?! В центре города! Позор. А мы принимаем высоких иностранных гостей, рассказываем о нашей самобытности! Возьмите Лондон. Там хозяин частного дома не имеет права передвинуть камень в заборе, не то что перестроить сам дом. Даже если это не первая застройка Лондона, ее охраняют. Не надо жить так, как будто до нас ничего не было!

Сегодня самое старое здание в Одессе – дом Феликса Дерибаса на Дерибасовской улице. Еще недавно там находился магазин медицинской литературы, сейчас – ресторан, но важно не это, а то, что его новые хозяева испортили фасад. Почему во Львове никто не покушается видоизменить бесценные дома на Ратушной площади, и они украшают город своим первозданным ликом? А ведь здание на Дерибасовской, примыкающее к Городскому саду, построено в 1807 году! Там бывали А. Пушкин, герцог Ришелье, Воронцов... Должны бы отнестись бережно к такому дому, повесить доску. Умные предприниматели сделали бы внутри этого ресторана маленькую экспозицию по истории дома, и это было бы лучшей рекламой, как за границей, где используют любую мелочь!

Взять реставрацию Оперного театра. Не надо это возводить в заслугу – в нормальном городе следят за объектами такого ранга. Кстати, название «Оперный театр» появилось в советское время, а ранее он всегда назывался Городской театр, так как являлся муниципальным еще со времен Ришелье, все же остальные были частные. Но, реставрируя Оперный театр, мы почему-то забываем о чугунной лестнице, что спускается в переулок Чайковского. Однажды, проходя мимо, я подобрал чугунный обломок перил. И с тех пор взываю: спасите старинную лестницу! Одну, с противоположной стороны, уже безнаказанно уничтожили. Эта, последняя, на глазах разрушается, и никому нет дела. Я понимаю, что у города нет денег, что есть более жизненно важные задачи, но лестницу необходимо сохранить.

Наталья Бржестовская:

– Как вы оцениваете реконструкцию Горсада?

Александр Розенбойм:

– Двойко. Есть понятие «сад». В саду должны быть мягкие песочные аллеи, прорастать трава. А это не сад, а площадь с газонами. Почему нельзя было оставить хотя бы одну-две аллеи или дорожки, а не заковывать все в каменную броню? Как-то, будучи в Петербурге, я проходил мимо Таврического сада и увидел табличку: «Сад закрыт на просушку». Ленинградский климат сырой. Вот это – хозяйский подход. Я не люблю декораций нигде, кроме театра. А решетки Горсада со стороны Преображенской и Ланжероновской есть декорации, потому что на Дерибасовской ее нет, а когда-то была – старые одесситы это помнят.

Интересно, что учреждение, призванное охранять наше достояние, носит название «управление охраны объектов культурного наследия». Куда верней учреждение этого профиля назвали во Львове – управление по охране исторической среды. Тогда не нужно решать: старый камень булыжной мостовой – это памятник или не памятник?

Меня очень волнует состояние одесских мостов: Коцебу, Новикова, Строгановского моста. Они же гибнут уже не одно

десятилетие у всех на глазах. Строгановский арочный каменный мост еще в советские времена хотели реставрировать, сделали декоративные бетонные арки и бросили, так и не достроив. Сейчас там автостоянка.

Но для города непростительно так обращаться с памятниками истории и оставлять в исторической части города развалку, режущую глаз!

А мемориальные мраморные доски Одессы? Туристы, гуляющие по городу, видят неухоженные, ставшие серыми доски и судят по ним в целом о городе и о горожанах, об их отношении к историческому наследию.

Я не брюзга. Возможно, я многих удивлю, если скажу, что мне нравится новый дом на Греческой площади. Считаю, это удачный компромисс, современное решение.

Другое дело, что мы потеряли саму площадь, окружив ее каменными уродцами: «домиком» на углу Красного переулка и Греческой улицы, тем, что нагородили на площади за бывшим рестораном «Киев». Кто все это утверждал? Куда смотрели градостроители?!

Я не идеализирую прошлое. В 1827 году сломали домик, где жил герцог Ришелье, там сейчас сквер рядом с гостиницей «Моцарт». Впоследствии на этом месте стояла гостиница «Ришелье», разрушенная во время войны. Что мешает сейчас установить там стелу с изображением этого домика и надписью «На этом месте находился дом-резиденция герцога Ришелье»? Тогда название обретает привязку, становится понятным, почему улица носит имя Ришелье. Это же не обременительно по финансам.

И на месте нынешнего дома на улице Польской, 16, не помешала бы табличка «На этом месте стоял дом, в котором жил основатель Одессы Иосиф Дерибас». Город, его улицы, переулки и площади должны говорить! А у нас – по Маяковскому: «...Улица корчится безъязыкая»... Из таких мелочей складывается историческая привлекательность города.

Но у нас от тех, кто это понимает, ничего не зависит; а те, от кого зависит, заняты другими делами.

Другой пример. Меня искренне радует воссоздание Спасо-Преображенского кафедрального собора в его первоначальном

виде. И пусть он хранит, как и прежде, наш город. Но на Соборной площади еще недавно были два фонтана. Один стараниями В. Филатова был установлен на месте алтаря взорванного собора. А тот, что располагался по соседству, был построен осенью 1873 года в знак освящения Днестровского водопровода, когда в город пришла вода. Почему бы этот факт не отметить табличкой с подobaющей надписью? Ведь Одесса – это не только Оперный театр и Потемкинская лестница.

Традиции – это тоже историческая ценность, недаром англичане так за них держатся. Знаете, в старое время на Дерибасовской находилось кафе, где в стене была круглая дырка. И хозяин рассказывал, что ее пробил своей железной тростью Александр Пушкин, завсегдагай кафе. Возможно, миф, но красивый. И посетителям было приятно находиться там, где сам Пушкин вкушал кофе. А на углу Екатерининской и Дерибасовской, напротив кафе «Алые паруса», испокон веку сидели цветочницы. Это была традиция, это было живописно. Я бы мог процитировать десятки литературных произведений, где об этом написано. А сейчас цветы продают в огромном стеклянном пассаже, но давняя традиция утрачена.

Работы по поддержанию исторического облика города часто не требуют больших капиталовложений. Нужно только иметь душу и желание. Есть такое понятие – малые формы достопримечательности. Так вот, еще не так давно на булыжной мостовой, там, где Греческая улица пересекает Пушкинскую, оставались рельсы первого одесского трамвая, пуск которого описал Юрий Карлович Олеша. И если уж волею судьбы они сохранились, чем была плоха идея поставить там гранитную стелу с надписью: такого числа в таком-то часу по этому маршруту пошел первый трамвай от Александровского парка до Греческой площади? И дать цитату из Ю. Олеша.

Увы. Когда я поинтересовался у чиновников, по какой причине их выкорчевали, мне ответили: «Они портят скаты машин». Это что, было единственное место, где рельсы пересекали улицу? Далее. Трамвайная станция на Греческой площади была последней в городе. Сначала сломали узловую станцию на Тираспольской площади, затем – на Куликовом поле, построив там прачечную.

А потом пришел черед и последней. Много лет краеведы мечтали устроить там Музей городского транспорта и, может быть, пустить конку вокруг круглого дома. Теперь поздно – снесли. Похоронена мечта.

Не так давно реконструировали Преображенскую улицу, верней – только половину, хорошо. Установили «старинные» фонарные столбы. Но исключения только подтверждают печальное правило. Посмотрите, что творят на Малой Арнаутской! Вырывают старинные чугунные столбы и устанавливают бетонные «карандаши». В исторической части города! Или на углу улиц Преображенской и Пастера, там, где контора мобильной связи, на чугунных кронштейнах установлены фонарики. А знают ли те, кто их устанавливал, что это сохранившиеся кронштейны газового освещения Одессы середины 60-х годов XIX века? Что мешает поставить рядом мраморную табличку? Ведь это тоже немая достопримечательность!

Краеведы не делают из исторических фактов тайны, стараются выступать с предложениями и в эфире, и в прессе. Нужно, чтобы город заговорил. Усилиями меценатов и коллекционеров можно было бы открыть, скажем, музей техники, музей часов, аптечный музей... Собиратели с удовольствием предоставили бы для них экспонаты.

Когда-то к интеллигенции больше прислушивались. Так, в начале прошлого века возникла идея расширить помещения новой биржи (ныне – филармонии) за счет парадной лоджии. Члены одесского отделения Императорского Русского технического общества запротестовали. Как видим, к их мнению прислушались.

Или, к примеру, до наших дней сохранилось в Одессе здание бывшего Ришельевского лицея (дом Вагнера) с воротами на Ланжероновскую, Дерибасовскую и Екатерининскую. В 1912-13 годах прошел слух, что хозяин дома намеревается его снести и построить новый. Одесситы так взволновались, что управляющему не оставалось ничего другого, как через газеты официально заявить, что знаменитому дому ничего не угрожает.

А сейчас? Прогуливаясь по Пушкинской, обратите внимание на старинные двери филармонии. Раньше их украшали брон-

зовые ручки в виде химер. Лет 15 назад химерам, как говорят в Одессе, приделали ноги. Администрация филармонии на их место поставила современные бронзовые ручки, но и они вскоре исчезли. Теперь там зияют дырки, которые точно не украдут.

А на углу Пушкинской и Еврейской вместо старинных резных дверей, служивших украшением дома, некогда принадлежавшего известному банкиру и негодянту Артуру Анатре, появились суперсовременные стеклянные створки! И это на виду и к стыду всего города!

Может быть, я скажу не всем приятное, но за последние годы в Одессе ни одного стоящего памятника, кроме 12-го стула и памятников С. Уточкину и Л. Утесову, не появилось. Разве можно назвать удачными скульптуры А. Мицкевича и И. Франко? Они были бы в духе и стиле времени лет 50 назад, но не сегодня. Удачной была идея телефонной будки у памятника Л. Утесову, можно было послушать песни Леонида Осиповича. После реконструкции Горсада она исчезла, как песня.

Еще хочу сказать о мастерах. На перилах разрушающейся лестницы у Оперного театра, о которой мы уже говорили, и сейчас можно прочесть надпись: «Архитектор Ускат, завод Рестеля» (был такой чугунолитейный завод на Приморской улице). Или на мраморном обрамлении одного из окон здания биржи на Пушкинской/Бунина мастер оставил автограф – «мастерская Молинари», был такой одесский мраморщик, итальянец. А в лоджии здания филармонии, где в нише установлен бюст архитектора А. Бернардацци, автора проектов биржи и гостиницы «Красная», бывшего «Бристоля», обратите внимание на две мраморные колонки. На них вырезаны фамилии тех, кто работал на строительстве биржи: мастера по дереву, металлу, камню...

Люди трудились так, что им не стыдно было оставить свои имена. Если внимательно прогуляться по Одессе, можно прочесть фамилии искусников прошлого и на решетках под деревьями, и на витых лестницах. А современные «мастера» и архитекторы... Им бы от позора скрыться.

А ведь еще К. Паустовский, высоко ценя искусство одесской архитектурной среды, писал, что отдельные уголки Одессы

напоминают ему старую Испанию. Кто-то может вспомнить Италию. Это уникальный город, оставленный нам предками.

Всегда считалось неприличным промотать наследство. Не будем уподобляться таким людям, тем более что в городе делается и что-то хорошее. С удовольствием смотрю на новое здание корпуса экономического университета, который не только не режет глаз, но отлично вписался в архитектурный облик Пушкинской улицы.

Но мы, одесситы, жадные до жизни, и нам хочется большего и поскорей, потому что, как говорят в Одессе, можно и не дожидаться.

Фото Анны Голубовской

